

1

Проснулся Степаныч, как всегда, рано, еще до восхода солнца. И дело вовсе не в горластом петухе, каким-то чудом продляющем свои дни среди разрастающихся многоэтажек и не дающем их обитателям утреннего покоя. Не в петухе дело! Скорее в привычке, сопровождающей Степаныча чуть ли не с малолетства. Хотя привык он к этому уже потом, с годами, а тогда надо было рано вставать.

Помнится, разбудит мать ни свет ни заря, сунет в руку узелок с куском хлеба да ломтиком сала: «Пора, сынку, буренушку на луг гнать! Ты уж давай, до обеда отпаси, а там я приду доить да и сменю». Глаза слипаются, ноги заплетаются, а гнать корову надо, без нее крестьянской семье не прожить. Так всю дорогу и бредешь в полудреме. А как выйдешь на луг, утренний ветерок тебя обласкает-умоет, роса студеная босые ноги обожжет, так куда и сонливость эта деваается! Кругом простор необъятный, воздух, на травах настоящий, птицы на все голоса заливаются! Из-за бугра, что по ту сторону речки, красным бочком солнышко, будто яблоко спелое, выползает. Красотища! Жить хочется!

Будил и отец, особенно в пору покосов. Косу да вилы пацану не доверяли: мал еще, а вот грабли — это, пожалуйста! Это уже можно. Хоть ручонки порою до кровавых мозолей и набивал, но от матери да старшей сестры не отставал, шел вровень. Зато потом, когда отец в перерыве гладил своими шершавыми пальцами Женькины вихры и говорил, что он уже настоящий мужик, всякая боль забывалась.

Как давно это было! И вроде как вчера — уж больно ясно картинки те перед глазами стоят!

Степаныч встал тихо, чтобы не разбудить жену, прошел на кухню. Поставил на плиту чайник: электрические не любил, считал, что они убивают живизну в воде. Другое дело на огне! Заварил из листьев смородины да мяты, что принес вчера с дачи, заварку — не чета всем этим пакетикам с чайной пылью! Алюминиевая кружка пылала жаром, и Степаныч то и дело крутил ее в руке, чтобы не обжечься. Можно было, конечно, и остудить, только старику пить именно так, обжигаясь, было привычной. Из этой старенькой кружки он пил когда-то пропитанный дымом партизанского костра кипяток, с нею прошагал тысячи километров по чужой земле и дошел до Берлина, где из нее же выпивал вместе с фронтовыми товарищами неразведенный спирт за Великую Победу. С этой верной подружкой и домой с войны вернулся. Теперь она для него и реликвия, и память...

Отхлебывая ароматный и будто душу согревающий чай, Степаныч снова о чем-то задумался. То ли все еще не мог оторваться от нахлынувших воспоминаний об ушедшей юной поре, то ли о чем сегодняшнем думал. Вот ведь, скажи, как человек чудно устроен! Казалось бы, о чем кручиниться старику, отмерившему уже 80 с солидным гаком жизненных верст, о чем думать? Живи себе да живи, пока Бог силы дает! Радуйся, что по утрам солнце вместе со всеми встречаешь! Ан, нет — оказывается, не каждому по плечу такое удовольствие! Вот и он, Степаныч, видать, не из таких, что спят, как младенцы, до пересыпа.

Старик хрустнул комочком рафинада, хлебнул из кружки и улыбнулся. Вспомнилось почему-то, как в детстве не хотелось вставать по утрам в школу. Только и мечталось о выходном. Вот, мол, подойдет — отосплюсь! А как воскресенье, будто бес какой в тебя вселяется: проснешься чуть свет, и хоть глаза выколи! Чудеса, да и только!

Уж теперь-то, пенсионеру, и вовсе — спи, не хочуй! А не спится! Теперь уже другое что-то не дает. Недетское. А, может, так оно и должно быть, если у человека мозги не набекрень или не иссушились до конца? Ведь пока он жив, думает о чем-то, что-то делает, за что-то переживает. До последнего часа своего. Как мать Женькина, Акулина, царство ей небесное! Старенькая была, немощная, с койки подняться уже не могла, а загадывала: «По весне, сынку, Бог даст, сараюшко с тобой перекроем. Солома-то прогнила вся, самый малый дождь заливает». Не дожидая до весны. А вот загадывала, думала, ночи недосыпала. Так и ему, Степанычу, не спится теперь...

— Чаевничаешь? Погодил бы с утра воду хлестать, сейчас завтрак сготовлю, — прервала стариковские мысли жена. Тоже проснулась, тоже что-то спать ей не дает. — Ну, что надумал-то? Пойдешь, или своими обойдемся? Вон из заначки возьмем, что на черный день лежат, а потом с пенсии доложим.

Степаныч ответил не сразу. Помыл за собой кружку из-под чая, убрал сахарницу в шкаф и только потом отозвался:

— Пойду! Оно, приглашение это, хоть и лично мне прислано, только честь-то всему городу! Такой марафон ко Дню Победы — дело общественное, государственное, можно сказать! А раз так, то и власть местная не должна сбоку оставаться. Так что, схожу, по лицу не ударят. А уж коли откажут, тогда и подумаем, как выкрутиться.

— Ну, сходи, коли так. Только дюже там душу-то не рви. А то опять за сердце хвататься будешь.

— Не дождутся! — улыбнулся Степаныч и начал одеваться. Он уже решил, что пойдет к городскому начальству в своем парадном кителе, который надевал только на 9 Мая. Может, увидев его боевые награды, быстрее шагнут навстречу ветерану. Она и просьба-то его для них самая что ни на есть пустяковая!

2

В советские времена это большое здание на центральной площади города называлось Домом Советов. Когда власть в стране поменялась, сменилась и вывеска. Теперь здесь располагалась местная администрация, но то ли для удобства произношения, то ли подражая американцам, народ окрестил его «Белым Домом». Хотя белым он отродясь не был...

Степаныч помнит, как в прежние годы приходилось ему, тогдашнему начальнику железнодорожной станции, бывать в этом здании. Что-то нужно было решать по производству, но больше причиной посещения были общественные дела. Был тогда Евгений Степанович и членом райкома партии, и депутатом городского Совета, участвовал в различных совещаниях, мероприятиях. Так что само здание, вместе с его коридорами и бесчисленными кабинетами, Гусарову было хорошо знакомо, но в кабинетах этих сидели уже совершенно другие люди. Да и порядки были теперь другими. Ушла в небытие руководящая всем и вся партия с ее аппаратом, теперь жизнью города и района управлял глава администрации и его подчиненные. Степаныч, как и многие его земляки, считал, что с главным руководителем района им повезло. Этот человек, в отличие от многих своих собратьев-чиновников, не кинулся набивать собственную мошну да строить личные дворцы, а наперекор всем перестройкам, кризисам и другим катаклизмам так изменил город, что и во сне не снилось. И села сохранил, дал людям газ, воду, дороги асфальтовые. И к людям внимателен — ни одно обращение без внимания не оставляет. Степанычу в прошлом году тоже денег немного подкинул, чтобы на соревнования съездил. Может, и в этот раз не откажет. Хотя... Стыдно унижаться каждый раз, просить что-то. Привыкли по жизни Гусаровы на себя рассчитывать, не зариться на чужое. Даже тогда, когда в голодный год пала по непонятным причинам их кормилица Буренка, когда ели хлеб с лебедой да хлебаки пустую похлебку, ни отец, ни мать ни у кого ничего не одалживали. Потихоньку, с трудом, но выправились сами... Оно бы и он, Степаныч, не пошел на этот постыдный поклон, если бы... Стариковских пенсий только и хватает, что на питание да за квартиру заплатить, лекарств бабке купить, а они нынче дороже золота стали. Слава Богу, хоть сам еще держится, хотя в последнее время «мотор» все чаще о себе напоминать стал...

Степаныч поднялся на нужный этаж, вошел в просторную приемную. Секретарша, выслушав его, вежливо пояснила, что глава нынче выехал в область, но можно обратиться к его заместителю, который сейчас на месте.

— Может, оно и к лучшему! — подумал Гусаров. — В прошлый раз один помог, теперь этот. Все одно ведь — власть!

Ждать, пока освободится начальство, пришлось недолго. Войдя в кабинет, Степаныч увидел знакомого ему мужчину, с которым приходилось не раз видеться на различных спортивных мероприятиях в дни празднования Дня Победы. Знал и тот известного в городе фронтовика, ветерана спорта, потому и поздоровался с ним за руку, пригласил присесть. Такое обходительное отношение взбудило старика, вдохнуло в него надежду на скорое решение его несложной проблемы. Он протянул хозяину кабинета приглашение, что получил на днях, и скромно добавил:

— Мне бы только на билет туда и обратно три тысячи, да полторы на гостиницу за трое суток. Я вот тут и заявленьице написал. — И протянул еще одну бумажку.

Чиновник пробежал взглядом по листкам и, выдержав недолгую паузу, заговорил.

— Я, конечно, Евгений Степанович, все понимаю: дело это нужное, важное, особенно в канун годовщины Победы... Но, к сожалению, на такие мероприятия, не заложенные в наши планы, средства не предусмотрены. Я бы и рад вам помочь, но закон есть закон! Нарушать его не дано никому! Так что, вы уж, извините, но... Единственное, что могу для вас сделать — попросить нашего депутата, предпринимателя Шагалова спонсировать вашу поездку. Вы идите к нему, а я сейчас позвоню ему и попрошу помочь.

На том и расстались.

Вышел из «Белого Дома» Гусаров с какими-то непонятными для себя, раздвоенными чувствами. С одной стороны, он понимал принявшего его руководителя: закон нарушать нельзя! А уж финансовый — тем паче! Евгений Степанович сам когда-то возглавлял предприятие и знает, что такое финансовая дисциплина. Тут все правильно, и обижаться на человека не за что! Тем более что в городе для людей делается столько, что вряд ли где еще сыщешь! А на это деньги нужны.

Только ведь и просил-то он, ветеран войны, заслуженный вроде бы человек, далеко не столько, сколько власть находит, к примеру, на столичных «фанерных звездах», осчастливливающих своими неживыми голосами горожан на большие праздники, в десятки раз меньше просил. И даже не на свое личное дело, а на общее, и для города важное! А может, и для всей области — ведь именно он, Гусаров Евгений Степанович, один-единственный будет представлять ее на общероссийских соревнованиях! Не верит он, что нельзя что-нибудь придумать, не нарушая законы. Не верит! А потому и обидно маленько от такого поворота дела... Ну да ладно, дойду уж до этого Шагалова, обращусь. Что ж тут поделаешь, коли государственная власть нынешняя сама в рот олигархам да инвесторам разным заглядывает! Да и в городе без местных предпринимателей вряд ли столько бы удалось сделать. Так что, шагай, Степаныч! Не ты первый, а уж последним точно не будешь! — успокоил себя ветеран и зашагал бодрой еще, спортивной походкой в сторону «шагаловского» офиса.

3

Апрель, отлистав на весеннем календаре добрую половину, уже всю греет землю солнечным теплом, пропитывал воздух ароматом первых соцветий, раскрашивал в зелено-белые цвета парки, сады. Было настолько тепло, что Степаныч даже снял плащ. Радуюсь пришедшей весне, любуюсь всей этой красотой, по которой за зиму уже соскучился, он поначалу и не заметил, с каким интересом и удивлением смотрят на него прохожие. А когда заметил, удивился уже сам: чего это они? Старика что ли не видали? И только потом понял: все дело в его парадном кителе с орденами и медалями! И впрямь: не 9 Мая ведь, когда такие картинки не редкость, не праздник какой, а он при полном параде шагает куда-то по пыльной улице!

Старик хотел было уж от смущения снова накинуть плащ, но вдруг передумал. А пусть поглядят, пока есть на кого! Сколько их нынче осталось-то, фронтовиков? Единицы считанные! Да и те больше по домам сидят: старость да болячки за порог не выпускают. А если кто и выходит на народ, то по какой-то необъяснимой скромности, в гражданском застарелом костюмчике. Чего стыдимся-то, кого? Может, наоборот, каждый оставшийся в этой жизни день носить свои боевые награды, и чем больше людей их увидят, особенно молодежи, тем крепче будет и

память, и правда о той смертоносной войне и Великой Победе. Правда, кем-то уже забытая, кем-то со старательным враньем переписанная... А настоящая-то вот она тут, на груди солдатской!

Степаныч, чуть сбавив шаг, с гордостью поглядел на звякающий от ходьбы металл. Вот эту медаль «За отвагу» он получил, когда взяли Кенигсберг. До сих пор помнит, как, стоя в болотной ледяной воде, оттаявшей к началу марта, он восемь часов вел огонь из закипавшего «Максима» по дзоту у города-крепости гитлеровцев. Как под покровом дыма от подожженной копны сена уползал от смерти после приказа отступить, не бросив в болоте друга — «Максима». Как волок раненого товарища, удивляясь, что того два раза в одном бою ранили, а на нем, Женке Гусарове, ни одной царапины.

А потом уж эти вот, с названиями столиц европейских — «За освобождение Варшавы», «За освобождение Праги», «За взятие Берлина» — пошли...

Вспомнилось вдруг, как в бою за Варшаву погиб весь его расчет, а у него только шинель в пяти местах пулями пробита. Шестая прошла через голенище сапога, задела слегка ногу. А на ближних подступах к Берлину, у Зееловских высот, снаряд рядом ахнул. После взрыва Женка горсть осколков из шапки высыпал, а на теле — опять ни царапины! Счастливчик, или ангел-хранитель берет? А может, молитвы матери такую силу имели? Так и дошел до Победы, и сейчас продолжает шагать по жизни, по земле, которую защищал.

— Дедушка! А эти медали твои настоящие?

Ушедший в свои мысли старик и не заметил, как рядом с ним, заглядываясь на его награды, давно уже шагает лет десяти мальчонка. Школьник, наверное.

— Конечно мои! Чужие разве бы я надел! — улыбнулся в ответ Степаныч.

— А можно я их потрогаю?

— Ну, потрогай! — ветеран нагнулся, чтобы тот дотянулся до его груди.

Мальчуган осторожно провел своим тонким детским пальчиком по ордену Красной Звезды, орденам Отечественной войны двух степеней, и так по всем наградам...

— Настоящие... У нас тоже такие были. У прадедушки моего, Дмитрия. Он тоже с немцами на войне воевал. Папа рассказывал, что дедушка командовал батальоном и однажды чуть даже не погиб... У него тоже было много разных медалей, я их даже в руках держал...

— Ну, и где же они сейчас?

— А когда папу похоронили, мама их продала. У нас тогда денег не было. А потом плакала долго, все ругала себя... — мальчишка шмыгнул носом и замолчал.

— А что с отцом-то случилось? — участливо спросил ветеран.

— Он хотел девушку от хулиганов защитить, а те его — ножом... Ну и...

— Понятно! — Степаныч провел рукой по вихрастой голове паренька, не зная, что и сказать этому, только вступившему в жизнь, но уже познавшему ее беды ребенку. Наконец отозвался:

— Это ты молодец, что знаешь о своем прадедушке-фронтовике. Молодец! Вырастешь, своих детей, внуков будешь иметь, тогда и им расскажешь о нем. И об отце своем расскажешь, чтобы память о них не умерла... Да-а-а! Ну а то, что мама награды фронтовые продала, жалко, конечно. Но, бывают, брат, такие ситуации, когда и нельзя вроде бы, да жизнь заставляет. Бывают...

«Вот ведь, скажи, как жизнь нынче у людей складывается! — распрощавшись с неожиданным собеседником, подумал Степаныч. — Одни не знают, куда деньги девать, шикуют всем напоказ, а другие самое святое за копейки вынуждены продавать, только чтобы выжить. И что главное: другие-то эти, не проходимцы какие, не пьяницы, а порядочные люди, стыд и совесть свои не потерявшие. И что обидно: эти люди на плечах всю тяжесть жизни несут, свою отдают, других спа-

сая, а жизнь эта их же и хлещет розгами! Да еще как хлещет! Неправильно это, не по справедливости!..»

Так, в мыслях этих беспокойных, и подошел Степаныч к нужному зданию, где располагался офис городского предпринимателя и депутата Шагалова...

К предпринимательству Евгений Степанович относился неоднозначно. С одной стороны, он хорошо понимал, что это естественный «продукт» нового времени, без которого весь этот «капиталистический базар» просто бы не состоялся. Предприимчивые (и не только) люди нашли применение своим способностям, силам, обеспечили свои семьи средствами существования, дали рабочие места другим. Не раз он даже думал о том, что мелкую торговлю, все эти сапожные и швейные мастерские надо было давно отдать в частные руки, тогда, глядишь, и по-другому, может, все пошло бы в стране. Но что случилось, то случилось! Чего теперь вслед руками махать? Тем более что бизнесмены эти, как бы ни упражнялись на них налоговики, как бы ни «щипали» разные контролирующие и проверяющие органы, еще и в общегородских делах участвуют: кто на содержание местной футбольной команды денежку даст, кто на строительство нового храма...

Одного не мог понять рожденный и проживший большую часть своей жизни в оные времена старый человек: как можно, ничего не производя, получать доход? Ведь в большинстве своем все эти предприниматели, не кто иные, как спекулянты, перепродающие что-то с хорошей для себя выгодой. «Купи — продай!» Когда-то за это в тюрьму сажали, теперь вот охраняют законом, награждают даже! Да, ладно бы, торговали своим, отечественным! А то ведь что ни возьми — чуть не все из Китая! Как-то жена веник принесла с рынка. Глянули, и ахнули: «Маде ин Чина!» Это веники-то, которые десятками тысяч совсем недавно из района по всему свету везли на продажу! Почему в такой огромной и богатой ресурсами стране, коей является Россия, производство своих товаров не организовать? Чего не хватает? Тогда, глядишь, и цены бы так не накручивали перекупщики, и качество получше было бы. Не мог понять этого старик, как ни старался...

Поэтому Степаныч с большим пониманием относился к тем, кто бизнес свой строил на каком-либо производстве, создавал что-то полезное для общества. Такие люди в городе были, в том числе и тот, к кому он теперь пришел. Откровенно говоря, ни к одному, даже самому щедрому узаконенному временем «спекулянту», он бы не пошел! А этот, пусть и магазины свои имеет, но и производство поддержит, к тому же еще и депутат городской!

Шагалов сидел в своем кабинете в глубоком кожаном кресле и с кем-то говорил по телефону. Увидев вошедшего старика, он кивком головы указал тому на стул и продолжал разговор. Пообещав кому-то, что все необходимые документы представит в срок, захлопнул крышку мобильника и посмотрел на Степаныча.

— Я Гусаров, — представился тот. — Обо мне вам должны были позвонить.

— И что же хочет уважаемый ветеран? — оглядывая награды на кителе посетителя, с какой-то почти незаметной ухмылкой спросил хозяин кабинета. Это он, наверное, так думал, что незаметной. Только бывший партизан увидел и эти сощуренные, вросшие пуговками в расплывшееся от жира лицо глазки, и отсутствие в них хоть какого-то человеческого участия, и ту надменность, с которой «слуга народа» смотрел на представителя этого самого народа. Увидел, и как-то стало ему неприятно, неудобно и за самого себя, за свой приход сюда, и за этого, сравнительно молодого еще человека, сумевшего удобно устроиться в новой жизни и давно забывшего про уважение к старшим, благородство души, человеколюбие... Ему уже не хотелось ничего объяснять, ни о чем-то просить, просто захотелось встать

и уйти. И все же что-то остановило этот его порыв. Может быть, неприличие поступать так с человеком, может, сомнения в своих скоропалительных выводах, а значит, надежда, что все еще будет хорошо...

— Мне, вообще-то, все эти звонки — до глубокой фени! — изрек после недолгой паузы Шагалов. — Кончилось то время, когда по каждому такому звонку под козырек брали!

Предприниматель достал из пачки сигарету, прикурил от блестящей позолотой зажигалки, и, выпустив из сжатых трубочкой губ струю ароматного табачного дыма, продолжил свой монолог:

— А, главное, всем дай! Никто еще не сказал: «На!» Думают, будто я деньги эти сам печатаю. А у меня у самого проблем невпроворот! Вот только что договорился о приобретении участка под строительство автомойки, документы готовлю. Бильярдный клуб еще до конца не оборудован. Налоги, опять же, подошло время уплатить. А это все деньги, и немалые!

Пока хозяин кабинета, а заодно магазинов, кафешек-закусочных, будущей автомойки и других объектов собственности делал очередную затяжку, Степаныч успел втиснуть в наступившую тишину свою просьбу:

— Да мне и надо-то четыре с половиной тысячи!

— А это что, разве не деньги? — выдохнул вместе с очередной струей дыма Шагалов. — Тебе четыре, тому пять, третьему десять! А потом самому идти просить? — и, видимо, заметив, что старик начал подниматься со стула, заключил:

— Помогу, конечно, но чем могу! — И, достав из стола сторублевку, протянул ее ветерану.

Увидев купюру, Степаныч оробел. Он ожидал всего, понимал, что «слуга народа» откажет ему в помощи. Но чтобы обойтись со старым фронтовиком, годящимся этому «хомяку» в отцы, вот так по-хамски, чуть ли не издевательски...

Старик встал со стула, молча достал из кармана свой кошелек и вынул из него такую же сотенную бумажку. Глядя в упор в сытое и наглое лицо, он положил ее на стол бизнесмена и сквозь стиснутые от кипящей злости зубы бросил:

— На вот, возьми! Добавь к недостающему очередному миллиону!

И ушел, хлопнув отделанной под дуб дверью...

5

Как дошел до дома, Степаныч не помнил. Всю дорогу он только и делал, что ругал себя за то, что пошел на этот постыдный поклон, что позволил так унижить себя. Уже одного отказа представителя местной власти хватило бы, а он еще и к этому «производителю» пошел, думал, что и впрямь не перевелись еще добрые люди на Руси. Ошибся ты, товарищ Гусаров, ой как ошибся! Тебе ли не знать, что такое капитализм с его акулей пастью? Коли окажется у человека душонка с гнильцой, поглотит ее заживо, поселит вместо нее внутри ненасытного желтого дьявола, который за копейку мать родную продаст. А ты за тысячами к нему пришел!

— Что-то долго ты! Я уж и заволновалась, — встретила его супруга, но, глянув на расстроенное лицо мужа, видно, все поняв, добавила: — А я и говорила, что нечего было без толку пороги обивать! Унижаться. Это тебе не прежние времена, когда человек человеку — друг да брат! Нынче бессердечный народ стал, неотзывчивый... — И, помогая Степанычу раздеться, продолжила: — Давеча спустилась в магазин за хлебом. Впереди на кассе женщина, помоложе нас с тобой, стоит. Прилично одетая, серьезная, видно, что не «бомжиха» какая. Рассчитывается за буханку хлеба и молока бутылку. Достала из кармана мелочь, пересчитала и говорит: тут рубля не хватает, можно я после обеда занесу? Детишек со школы по-

кормлю и принесу! Так кассирша так на нее рывкнула! Нету денег, кричит, так нечего и ходить!

— И что, не продала?

— Не! Заставила назад положить! И главное, стоят за этой бедолагой два молодых парня, и хоть бы догадался кто рубль этот несчастной добавить!

— А ты?

— Подошла, да отдала...

— Ну и молодец! — похвалил Степаныч жену. — Никто ничего мне не дал! Только время зря потерял! А, может, и не зря... Узнал, почему нынче совесть человеческая.

Про предпринимательскую выходку решил жене не рассказывать: ни к чему лишние волнения старому человеку! Добавил с присущим ему оптимизмом: — А на Белгородчину я все равно поеду! И марафон этот одолею, пока силы есть! Деньги и занять можно на святое дело, и из этих взять... Чай, похоронят, в случае чего, не оставят тут лежать... Поеду, кто знает, придется еще когда, нет?

— Так, дык так! — согласилась супруга. — Ты давай-ка пообедай, да ложись, отдохни малость. Сон, он тоже лекарство!

Обедали молча, думая каждый о своем. Матвеевна о муже, видя, как он переживает свой неудачный поход, о его здоровье, о том, как перенесет он предстоящую поездку. Хоть и не впервой ему эти дальние заботы, только все равно душа болит: не то уже здоровье, не то! Да разве его остановишь, коли он без бега, без спорта и дня прожить не может! Это ж надо до чего додуматься: каждое утро по 10 минут на голове стоит! Говорит, мол, кровообращение головного мозга улучшается. Сорок лет уж, почитай, так-то! И то правда: ни разу не пожаловался, что голова болит! А каждое утро целых полтора часа по лесу бегать — это тебе что? Любит жизнь Степаныч! Знает ей цену, потому и не хочет сдаваться. Молодец, дай ему Бог!

А Гусаров, оттаивая потихоньку от перенесенных обид, мечтами был уже там, у Прохоровского поля, вдоль которого пролегал трасса предстоящего соревнования. Для него этот пробег был делом и чести, и памяти, потому как именно в этих местах, летом 43 года стояла насмерть его родная 1-я танковая армия. И тем своим однополчанам, которые навсегда остались в этих полях, вот уже 25 лет подряд, в канун Великой Победы, посвящает Степаныч свой священный марафон...

6

Свое движение к Победе Женя Гусаров начал в неполные шестнадцать под Шепетовкой, где притулилось к лесам его родное украинское местечко Сосновка. Друг из соседней слободки Василек Гоменюк, партизанивший в ближних лесах, попросил Женю быть связным народных мстителей. И Женю им стал. Ходил к железной дороге, на станции, к комендатурам — считал вагоны в составах и горбатившиеся под брезентом на платформах немецкие танки, запоминал караулы и посты у мостов да тыловых складов фашистов. А потом все это, рассказанное Васильку, взлетало на воздух, летело под откос, горело, плавилось, скрежетало, стояло...

Когда в городке Славута главврач инфекционной больницы Медведев долечивал красноармейцев-окруженцев, Женя партизанскими тропами вводил их в отряд, прихватив так нужные партизанам медикаменты, добытые врачом-коммунистом. Кто-то из предателей-полицаев, пронюхав о партизанской больнице, донес на врача немцам, и доктора-патриота повесили в больничном саду на весенней яблоне. Висеть бы на ее сучьях и ему, юному связному, но Женю вовремя переправили в отряд, определив в диверсионную группу. Подрывники отряда, назван-

ного именем врача Медведева, минировали мосты, дороги, «железку», склады и тыловые штабы фрицев. Диверсионное дело постигал на практике и Женька, проводивший партизанские группы одному ему известными тропами...

А потом, в 1943-м, из-под Курской дуги к партизанским лесам под Винницей вырвались краснозвездные «тридцатьчетверки» 1-й гвардейской танковой армии генерал-полковника Катукова. После ожесточенных сражений у Прохоровского поля танкисты нуждались в пополнении, и партизаны, сняв ватники, переоделись в танкистские комбинезоны и шлемы. Первым номером пулеметного расчета в 11-м танковом корпусе стал и он, 17-летний тогда подросток. Начало своей дороги к Берлину в составе танкистов-гвардейцев вспоминается и поныне. Приехал однажды командующий, всех построили. «Кто москвичи, — спрашивает Катук, — выйти из строя». Вышли всего 12 человек. Из двух тысяч, пополнивших 1-ю танковую армию в 42-м под Москву. «Всех живых — к наградам!» — только и молвил командарм, смахивая слезу, то ли жестким ветром высеченную, то ли...

От Львова до Берлина пролегли 678 километров фронтовых дорог. Три раза забирала и обновляла смерть в этих верстах второго номера и подносчика патронов пулеметного расчета старшины Гусарова. А его, юного, припасала для весны Победы. Берегла. К окраине Берлина апрелем той победной весны подошел пулеметчик Гусаров, форсировав кипящую Шпрее, на Т-34. На глазах упали, сраженные, командир роты Денисов и комвзвода Серебряков. И он, Женька, остался один: второй номер и подносчик патронов погибли. Но тут на помощь пришел земляк Петро Бекалюк. На танк с ним пулемет втащили, коробки с лентами, стоят около башни... А фашисты по танкам болванками лупят прямою наводкою. Одна срикошетила от брони и Петру так обе ноги и перебила. Упал раненый с танка, а механик стал в это время машину разворачивать лобовой броней навстречу пушкам. До сих пор вспоминать страшно, как танк втапывал Петра в землю...

Еще помнит Степаныч, как на улицах Берлина у немцев кончилось горючее, и они вкапывали обездвиженные «тигры» и «пантеры» на уличных перекрестках.

А с этажей через окна по танкам их «фаустники» лупили. Танкисты наши башнями пробивали стены первых этажей и так из дома в дом продвигались к рейхстагу. А они, пулеметчики, с «максимами» своими, подвалами к нему рвались. Пока не кончились патроны. И тогда их раненый командир Федотов вышел из подвала с гранатой. Три немца бросились его в плен взять, а он рванул чеку... Короче, и себя и их уложил...

И это было за сутки до Победы! Тоже мечтал ее живым встретить. Говорил своим солдатам: за детей своих, за внуков, светлое будущее их воюем, жизни свои отдаем! Помните об этом, не забывайте ни на одну минуту! И они помнили! В том бою и над ним, молодым бойцом Гусаровым, смерть косой взмахнула. Распахивает он дверь первого этажа, а здоровенный немец со всей силищей на него кидается, штыком винтовки норовит проткнуть. Если бы не увернулся Женька, на том бы и кончился его и боевой, и жизненный путь. А так, штык дверь пронзил да в ней и застрял... А немца того Женька из пистолета пристрелил...

Ночь с первого на второе мая встречали в окопах Тиргартена. Ведут пулеметчики огонь по крепости, а немцы в ответную садят! Там неподалеку зоопарк был, раздолбали его, звери среди окопов мечутся, ужи, гадюки кругом ползают... Ужас!

В час ночи орут немцы по радио: «Рус! Не стреляй — тут госпиталь!» А утром нескончаемой колонной пошли сдаваться. Так их бригада у Бранденбургских ворот, в двухстах метрах от рейхстага, Победу и встретила. Салютовали очередями в небо. Свое слово «Дошел!» и он, восемнадцатилетний старшина танковой бригады Гусаров, на рейхстаге вывел...

Неужели на все эти страдания и смерти ради таких вот пауков-шагаловых шли? Нет, не верит он, солдат-победитель, что страну его, которую он защищал от вра-

га, опутает паутина доморощенных пауков. Придет время — или сами полопают-ся от жадности, или раздавят их люди, как кровососов!..

А ночью Степанычу приснилось, будто он снова там, на войне. Идет вроде бы по лесу где-то и в кустах натывается на немецкого солдата. На лице маска неприятная, в руке пистолет. Навел его на Степаныча, целится, но тот как глянет на него в упор, глаза в глаза, чужеземец и стал будто вкопанный! Тогда Гусаров подошел к нему, забрал оружие, снял маску. А там, под маской, лицо шагаловское с испуганными глазками. Моргает ими бизнесмен, лепечет еле слышно: «Прости, дед! Бес попутал!» А Степаныч ему: «Бог простит! Только помни, что стариков обижать — грех великий!»

— Надо же, что прилепилось! — проснулся старик. — Хотя неплохой сон, правильный. Интересно, ему-то, Шагалову, будет что-то подобное сниться после моего визита, или им уже и во снах только деньги видятся?

7

— Чего задумался-то? — прервала воспоминания мужа Матвеевна. — Пей чай, а то уж остыл, небось!

Степаныч молча взял кружку, придвинул поближе вазочку с рафинадом, отхлебнул глоток ароматного чая. В голове все еще крутились картинки той лихой военной поры, которую прошел, одолел. После всего того, что перенес, так жить хотелось! Ему и сейчас по-прежнему жить очень хочется. Хотя и промчалось уже шесть с половиной десятков лет! Вон ведь, скажи, как время-то летит! Только человеку всегда жить хочется, в любом возрасте! Потому как рожден он для жизни...

— Полежишь, может, часок-то? — опять отозвалась жена. — Усни, оно, глядишь, и мысли на другой лад переменятся...

— Да не хочется что-то! Пойду, наверное, лучше до хутора дойду, развеюсь. Заодно дачу проведаю, как там после зимы? А ты отдыхай...

— Ну, смотри сам, только дюже-то там не перетруждайся. Успеешь еще...

Степаныч надел свой спортивный костюм, в котором делал ежедневные пробежки, вышел на улицу и сразу же почувствовал облегчение. Легкий апрельский ветерок пробежался по его седым прядям, наполнил свежестью грудь, словно подбодряя старого человека, подзаряжая его подточенные временем силы. Гусаров уже давно убедился в целебном волшебстве природы-матушки: коли хочешь привести в порядок тело и душу свою, иди на луг или в лес, дыши свежим воздухом, слушай тишину и пение птиц да двигайся побольше! Ни одна, даже самая уютная квартира не даст тебе того, что даст такая встреча с природой. Только она да движение постоянное и от физических, и от душевных болячек человека лечат!

Поэтому-то и тратил ежедневно без всякого сожаления Степаныч эти часы на свои пробежки по хвойному лесу. Поэтому, может быть, и здоровье свое сохранил, к жизни стариковской годы добавляет. Хотя и иначе все быть могло. Чего греха таить, было в молодости время, когда нервное напряжение пытался, как и многие, водкой снимать. Слава Богу, быстро опомнился, понял, что кроме вреда ничего это не даст, не тот это путь. Тогда-то, чтобы забыть об этом пороке, и начал бегом заниматься, прибавляя к дистанциям дополнительные километры. Пока нынешних, марафонских уже, не достиг...

Где-то на полпути, встретил стайку ребятишек в спортивной форме, бегущих навстречу по лесной тропе. Обрадовался: есть, значит, последователи! Не все, стало быть, к пиву да отраве разной потянулись. Побольше бы таких вот бегунов!

На спуске к хутору, где лесная тропа выходила на асфальтовую дорогу, остановилась вдруг рядом с Гусаровым легковушка.

— Бежишь, Гусарыч? — услышал он знакомый голос. Так называл его только один человек — сосед по даче, Володька Сенцов. Степаныч не обижался на него за такую фамильярность, наоборот, ему было приятно слышать это необычное сочетание его фамилии и отчества. Сенцов, мужик лет сорока, не больше, появился с женой и детьми на хуторе года три назад. Переехали они откуда-то из Сибири по причине болезни супруги, которой врачи порекомендовали сменить климат. Купили небольшой домик с садом да огородом, обосновались, подружились с соседями. Когда Степаныч подолгу не появлялся на своей даче, приглядывал и за ней, поливали деревья...

— А я вот своих орлят со школы везу! Не хочешь подъехать?

— Спасибо, да только некогда мне! — отшутился бегун как всегда в подобных случаях.

— Ну, давай спеши! Зайди потом на минутку: рыбкой свежей угощу, ушечки заварите.

— Зайду, как не зайти...

— Хороший человек! — подумал старик, провожая взглядом удаляющегося на «жигуленке» соседа. — И в семье, и в голове, и во дворе порядок! Редко сейчас такую молодежь встретишь!

Сенцов и впрямь был и семьянин добрый, и труженик. Воспитывали они с женой двух сыновей-близнецов, шестиклассников, и старшую дочку, заканчивающую школу. Учились дети в городской школе, так что утром уезжали туда на рейсовом автобусе, а со школы их забирал отец. Жили тем, что завели две козы, посадили во дворе солидный клубничник, развели малину, продавали козье молоко, ягоду. Кроме этого, Володька хорошо разбирался в автомобильных карбюраторах, так что, несмотря на вытеснение отечественных легковушек навороченными иномарками, к гаражу Сенцова не зарастала автомобильная «народная тропа». Жили они не богато, но и не бедно. Как выражался сам хозяин: «Честным трудом нынче шибко-то не разбогатеешь, но сыт завсегда будешь. Слава Богу, жена с детьми одеты-обуты, я тоже не голяком и не пешком хожу. А денег, их чем больше, тем больше хочется. Только за деньгами погонишься — про жизнь забудешь. А я жить хочу по-человечески». Сенцов охотно одалживал соседям деньги, не беря с них даже малого процента, спонсировал различные детские соревнования и конкурсы, в которых принимали участие их детишки, помогал школе с ремонтом. По праздникам Володька выпивал сам и щедро угощал зашедших на звуки его гармошки мужиков, пел песни про далекий таежный край, бежавших из лагеря арестантов...

Когда Степаныч появился у своего участка, Сенцов возился во дворе, но, увидев соседа, взял в сарае пакет и подошел к старику.

— На вот, пара щучат да карасик утром в вентерь вскочили! Матвеевне передашь. Как она там?

— Ничего, крепится! По возрасту да по погоде...

— А сам? Вижу, с тропы здоровья не сходишь? Молодец! Небось опять на марафон своей собираешься?

— Собираюсь. Через два дня поеду. Уже и приглашение получил!

— Нужно дело! Память — это святое! Тем более для вас. Вы же сегодня, можно сказать, последняя живая правда о той войне! Помните, прошлым летом ребят не моей рассказывали, как от фашистов Львов освобождали? Как детишек пленных из подвала выводили, спасали, а сами чуть на растяжке не подорвались? Ленка наша на уроке истории потом, когда заспорили о чем-то, — нынче программы-то сами знаете какие! — так всем врезала вашим рассказом, что даже учительница слушала, рот раскрыв! И все споры сразу утихли!

— Молодец!

— Побольше бы таких живых рассказов, а то ведь договорились уже до того, что вовсе и не освободителем наша страна была, а завоевателем! Во дают! И если не будет правдивого слова, могут ведь и вбить в детские головки, что так оно и было! Так что поезжай, Гусарыч, покажи, на что способны настоящие солдаты-фронтовики!

Володька положил руку на стариковское плечо и, заглянув в Степанычевы глаза, участливо спросил:

— С финансами-то как? Оплачивает кто поездку, или как всегда?

Гусаров отвел взгляд в сторону:

— Как всегда, Володя, как всегда! Ну да ничего! Не последний рубль с бабкой проедаем, есть еще кое-какие припасы, сдюжим!

— Да! Про заботу о ветеранах да патриотизм говорим, а на деле... Я вот недавно прочитал, что участники войны весь апрель до самого Дня Победы могут бесплатно на общественном транспорте ездить. Доброе вроде бы заботливое, а мне смешно стало! А кто поедет-то? Самым молодым фронтовикам нынче далеко за восемьдесят! Одни уже с койки не поднимаются, не то что ехать куда! Другим, если и на ногах, старость маршруты перекрыла. Да и вообще, сколько вас, истинных фронтовиков, всего-то осталось? Единицы! Вот и получается: и заботу о ветеранах проявили, и деньги на эту заботу тратить не надо! Умно придумали! Хотя можно было бы взять да и сказать: спасибо, вам, фронтовики, за подвиг ваш! Пока живете — пользуйтесь теперь за заслуги ваши бесплатно светом, газом, водой, за квартиру не платите. Вот это была бы действительно забота, а это так, фикция! — С досады Володька аж рукой махнул!

— Это оно, конечно, неплохо было бы! Только не дадут, не до нас, видать, нынче...

— Ладно, Бог с ними! Всем когда-нибудь по заслугам воздастся! — и полез во внутренний карман куртки. Достав оттуда три тысячных купюры, протянул старика:

— Это вот от меня на поездку...

— Зачем, Володя, не надо! — запротестовал было Степаныч, но парень уже вкладывал деньги в ветеранскую ладонь.

— Там, на круге своем марафонском, деда моего, Митрофана Гаврилыча Сенцова, помяните добрым словом. Летом 43-го под Курском голову свою сложил. Так что, уж не обижайте внука фронтовика...

Где-то в глубине глаз проклюнулась и застыла у ресницы соленая стариковская слеза, горький комок застрял в горле, и Степаныч, чувствуя, что не может сейчас ничего сказать, только склонил перед соседом голову в знак согласия и благодарности...

С Белгородчины Гусаров приехал счастливый и довольный! Было, чему радоваться: ведь он не только одолел эти непростые для своего возраста километры, но и в своей ветеранской группе, кому за 70, финишировал вторым! А ведь на старт нынешнего марафонского забега вышли более ста спортсменов из многих областей России, Белоруссии, Украины! Мог бы и «золото» взять, да белгородский соперник Василий Латышев, что на пятнадцать лет моложе, опередил. Жара полыхала невероятная, больше 30 градусов, но Степаныч дистанцию в десять километров одолел за 1 час 20 минут 15 секунд! И главное — давление после финиша замерили: 130 на 85! Так что, поживем еще!

Степаныч еще раз потрогал руками обжигающее жаром Прохоровского поля «серебро» и повесил медаль с красной лентой на стену. Это уже девятнадцатая его победная медаль за марафоны на Курской дуге. Все они, вместе с грамотами да

дипломами, что за свои трудовые и спортивные достижения добавил Евгений Степанович к боевым наградам, тут, на этом простенке, вывешены. Здесь же и алая лента с вышитыми золотом словами «Почетный гражданин города». Для него она особо ценная: такое признание земляков дорогого стоит!

Матвеевна порою шутит: «Ты, — говорит, — со своим «иконостасом» скоро Брежнева догонишь!» До Леонида Ильича ему далеко, но Гусаров смотрит на этот «парадный ряд» с гордостью: не зря жил! Вон след какой от нее, жизни этой!

Степаныч сел в кресло, еще раз поглядел на только что повешенную медаль: ровно ли, и о чем-то задумался. Д-а-а! Мчится жизнь вперед, утекают годы, как песок через пальцы! Вот и там, на круге марафонском, прошлый раз еще бежали рядом трое участников войны, теперь вот он, Степаныч, один остался из некогда большой гвардии. Придется ли еще, нет ли? Как-никак, следующая годовщина Победы юбилейной будет!

Он вспомнил, как тепло встречали их, участников пробега, его организаторы. И гостиница была хорошая, и питание, а, главное — внимание к каждому гостю. То самое человеческое внимание друг к другу, которого так сегодня не хватает. Отчего так оскудели вдруг, очерствели сердца людские? Взять хотя бы ту молоденькую проводницу с поезда, на котором Степаныч уезжал из Белгорода домой. Видела ведь, что старый человек не успевает к своему вагону, так уж получилось, что поезд вот-вот отправится! Казалось бы, чего проще: пусти в свой — билет имеется, а он потом уж перейдет куда надо. Нет: не положено! Так бы и остался Степаныч на перроне, если бы не проводница соседнего вагона: и впустила старика, и подняться по порожкам помогла... Не побоялась нарушить инструкцию, человечность выше всяких приказов оказалась. Может, потому, что в возрасте уже женщина, жизнь повидала, доброту сердечную не растеряла? И получается, что в одном государстве живем, одного рода-племени русского, на одном языке говорим, только одни — будто родня друг другу, а другие — чужаки. Почему так?

Тогда, переходя со своей походной сумкой из вагона в вагон, Степаныч почему-то сравнил этот свой переход с человеческой жизнью. Родившись, человек тут же становится пассажиром несущегося вдаль поезда под названием «Жизнь». Сначала едет в детском вагоне, потом вот так же, только через невидимый тамбур, переходит в вагон юности, а дальше пошли вагоны семейных, житейских проблем, забот о детях, внуках... Не успеет пассажир оглянуться, а он уже в последнем вагоне, позади которого только красный стоп-сигнал горит! Ни дальше хода, ни назад возврата нет!

Но вот ведь что интересно: поезд один, вагоны для всех одинаковые, а едет в них каждый по-разному! Одни весь путь на литерных, купейных местах, другие в плацкарте, а третьи и «общими» довольствуются, а то вовсе на ногах проведут. И путь этот у всех разный: кто до последнего вагона доберется, кого раньше судьба на своей остановке за ручку выведет. Хотя, есть ли он вообще, этот последний вагон в поезде Жизни? Никто ведь не знает, когда в нем окажется, и слава Богу: надежды да мечты до прощального вздоха в человеке живут! Каждому хочется подольше в поезде этом проехаться! Так уж человек устроен. Только не в этом главное. Человек-то, он столько живет, сколько его помнят...

Из всех времен года Гусаров больше всего любил осень. За спелость ее природную, краски сказочные, запахи таинственные, возвращающие его назад в детство, в родную украинскую деревеньку. Где когда-то с пацанами лазил поздними вечерами за созревшими яблоками да грушами по садам, набивая сочной вкуснятиной полные запазухи. А потом объедались ими, валяясь у кого-нибудь на сенова-

ле, вдыхая полной грудью душистые запахи свежескошенного сена. Не забыть Женьке и выезды с ребятей в ночное, костры, в которых они пекли картошку, а потом, обжигаясь, ели ее, измазывая щеки угольной сажей...

А может, любовь к осени — удел всех пожилых людей? Ведь во многом они теперь схожи друг с другом: вроде бы и в зиму еще не вступившие, но уже от весны да лета навсегда ушедшие. Морщинами, словно паутиной осенней, увешаны. И годы, словно листья пожелтевшие, осыпаются с дерева жизни... Но главное — это чувства! Осенью они какие-то особые, не такие, как всегда. В них, словно в красках осени, всего хватает: радости и грусти, легкости и усталости, уверенности и сомнений, фантазии и реалий... Чудная пора — осень!

Вот и сейчас, стоя на своем балкончике, любовался Степаныч красно-желтыми кронами растущих во дворе деревьев, алым заревом уходящего за горизонт солнца, слушал пение небесных птиц, чирикающих, наверное, о скором приходе зимы. Эх, с каким бы удовольствием он прошелся сейчас по осеннему лесу, собирая торчащие из-под хвойной подстилки маслята, спрятавшиеся в песке зеленушки! А потом Матвеевна наварила бы с ними супу, поджарила с картошечкой... Яблоки бы собрал, груши в саду своем. Хотя и состарились уже деревья, но урожай дают еще неплохой. Степаныч собирался этой осенью их обновить, посадить молодые саженцы, да вот, видишь, как оно получилось...

Сердце, перегруженное военным лихолетьем, тревожными днями и бессонными ночами железнодорожной службы, даже подкрепляемое постоянными занятиями спортом, напомнило о своей невечности еще полтора года назад. Тогда врачи посоветовали Степанычу уменьшить нагрузки, прописали прием лекарств, и все как-то обошлось. Теперь вот снова забарахлил «мотор», только на этот раз уже серьезно.

Недомогание и покальвания в груди Гусаров почувствовал в аккурат на День Победы, 9 Мая, когда возлагали цветы и венки на братском кладбище. Списал все на жаркий день. После вместе с друзьями-ветеранами даже в городской парк съездил — отведать солдатской каши из котелка. От «победных» ста граммов отказался: давно уже и вкус, и запах спиртного забыл! Вечером пригласили на стадион, где как всегда проводилось народное гулянье с праздничным салютом. Степаныч, маленько передохнув дома, уже было и форму парадную начал снова надевать, как что-то горячее, доселе неведомое, обожгло нутро, разлилось по груди... А дальше он уже ничего не помнит. Очнулся, только когда врачи да испуганная Матвеевна возле него хлопотали. Так что вместо праздников да веселий — койка больничная, капельницы да уколы с таблетками!

Оклемался Степаныч не сразу, но со временем начал потихоньку ходить по комнате, потом и зарядку легкую по утрам делать.

— Враги не дождутся, друзья не опечалятся: век свой до последнего растягивать буду! — шутил он Матвеевне. И добавлял свое любимое: «Поживем еще!»

Где-то с месяц назад начал выходить во двор, с удовольствием сидел по вечерам на лавочке, обсуждая житейские новости да проблемы. Даже вокруг дома, пусть и с палочкой, по два-три круга нарезал. Напевая при этом переделанную на свой лад известную песню: «Врагу не сдается гусар пожилой, он смерти своей не желает!»

Сегодня тоже и прошелся, и на лавке посидел. А на завтра попросил Володюку свозить их с Матвеевной на дачу: захотелось сад свой в красках осени увидеть, горы меловые, сединой покрытые, к озерцу подойти, шепот камыша послушать...

...Солнце уже почти полностью скрылось за горизонт, выпустив на прощанье устремленные вверх свои лучи-стрелы. По светлеющему еще небесному полю, будто отбившиеся от отары одинокие овцы, паслись кучерявые облака. Откуда-то с северной стороны потянулся в сторону Дона, к югу, запоздалый гусиный косяк.

— Глянь, закат-то красивучий какой! — сказал Степаныч ставшей рядом с ним жене. — Жил бы и жил так до бесконечности...

...Ночью, когда город накрыла осенняя тьма, мерцающим фонарем скатилась с неба красная звездочка. По древней легенде, у каждого человека есть своя звезда.

КРАСНАЯ ТРАВА

*Детству нашему послевоенному
посвящается*

...Во сне она плакала. При очередном громком всхлипе проснулась. Чья-то шепшавая теплая рука гладила ее голову. Мама.

— Ну что ты, что? Спи, ночь на дворе...

— Красная трава... Красная трава... — полусонно шептали детские губки. — Мам! Полежи со мной, не уходи!

— Какая трава? Чего ты? Спи! — продолжала успокаивать мать, но тут же, видно, догадавшись о чем-то, взволнованно-раздраженно бросила:

— Говорила тебе: не смотри! Не послушалась, а теперь вот... Ладно, спи, давай, а то Шуру разбудим, а ей рано на ферму идти, — ложась рядом и прижимая дочку к себе, закончила встревоженный разговор родительница. Может, тепло материнского тела, может, сон, не желавший смириться с неожиданной побудкой, сделали свое дело — уже через несколько минут дочка снова уснула...

* * *

...Может и не вспомнила бы она тот давний свой ночной плач, приснившуюся ей тогда «красную траву», если бы муж не рассказал однажды, как в детстве, школьниками, помогали они бороться с грызунами — сусликами. Выливали их водой из нор, а потом или палками били, или в мешки приготовленные ловили. Рассказывал и возмущался: неужели никто не понимал, что это было самое настоящее кощунство — заставлять детскую душу поднимать руку на живую божью тварь, пусть и приносящую вред, но ведь живую! Ладно, дети — их мальчишеский азарт, помноженный на задание старших, гнал наперегонки, на соревнования — кто точнее, кто больше. Но, взрослые, учителя, они-то о чем думали?

Тут-то и проснулась в памяти та давняя картинка, которая, оказывается, жила в ней все эти долгие годы и только ждала подходящей минуты, чтобы явиться. Детская память, она ведь что старая фотография — лежит, забытая в альбоме до поры до времени, а коснись что, тут же в прошлое и вернет...

* * *

...Как-то летом приехали они с матерью к ее родной сестре, что в деревне жила. Сошли с электрички, идут вдоль путей, птичьи распевы вперемежку с грохотом пробегающих рядом составов слушают, цветущим лугом, что в низине прилег, любуются. Хоть и далековато шагать, только усталости особой не чувствуют во всей этой непривычной красоте, да и радость встречи с близким человеком сил добавляет. Тетка-то одна-одинешенька живет на своем хуторке, ждет небось не дождется дорогих гостей! А вон уже и домик ее, что утонул в зелени развесистых яблонь да груш, открылся крышей соломенной.

— Ну, вот и добрались, — перекладывая сумку с гостинцами из одной руки в другую, отозвалась мать. — До солнцепека успели, слава тебе, Господи!

Солнце и вправду, хоть и близилось уже к небесной макушке, но еще не разогрело вовсю свои огненные лучи, отчего они были пока приятны, милостивы и к людям, и ко всякой другой земной живности. В небе порхали, перелетая с одного края на другой, птицы, у лесной посадки, подставив бок солнечному лучу, щипала травку чья-то, привязанная к колышку, козочка. А неподалеку, на пригорке, посреди невысокой травы, подняв к небу лохматую головку, стоял на задних лапках какой-то зверек, моментально приковавший к себе взгляд девчонки.

— Мама! Мама! Посмотри, заяц! Вон там, видишь, зайчик! — радостно закричала она, дергая за рукав шагающую рядом мать.

Та, на минуту остановившись и прищурив подслеповатые глаза в сторону протянутой дочкиной руки, с улыбкой сказала:

— Это, дочка, не заяц. Это сурок, байбак по-народному, на солнышке греется. — И, приглядевшись, добавила: — А рядом подружка его, видишь, вон сбоку? На свет божий любят, заживи радуются. Ну, ладно, пошли...

Мать потянула за руку заглядывшуюся на невиданное чудо дочурку, но та все продолжала смотреть в сторону зверюшек, выражая своим улыбающимся личиком и удивление, и восторг, и нежелание прерывать любование этой земной идиллией. Так и прошли несколько метров, пока вдруг не услышали за собой чей-то громкий топот, а потом и хриплый окрик:

— Посторонись!

Едва успели они отступиться на обочину дороги, как мимо них, с занесенной в руках косой, промчался здоровенный мужик.

— Куда тебя черти несут? Да еще косу, дурень, наперед выставил? — ругнулась мать и тут же, словно предчувствуя что-то нехорошее, страшное, обхватила голову дочки свободной рукой и потащила ее к придорожному кусту. А та, не понимая еще, что происходит, чуточку сопротивлялась и все пыталась вырваться из материнского объятия.

— Мама, мама! Я хочу еще посмотреть на зверьков!

Но мать, еще раз глянув в сторону бегущего к суркам мужика, только крепче прижала к себе девочку, повторяя дрожащим голосом одно и то же:

— Не смотри туда! Не смотри туда!

Да только можно ли удержать рвущееся наружу детское любопытство? Теперь уже не зверюшки, а что-то другое, манящее своей непонятностью, вырывало детскую головку из-под маминой руки, чтобы хоть на миг увидеть происходящее. И этот миг наступил. Потом она будет жалеть, что не послушалась мать, что отодвинула ее ладонь со своих глаз. Но это будет потом. А в то мгновение открывшаяся ее взору картина заставила сначала вздрогнуть, потом затрястись всем своим худеньким тельцем и испуганно то ли закричать, то ли застонать... Не было больше у овражка возвышающихся над травой звериных головок. Не было. На том месте, где они только что любовались миром, стоял тот деревенский варвар и молча протирал окровавленное лезвие косы пучком травы. А сама трава вокруг была почему-то не зеленой, как всего несколько минут назад, а непривычно красной и оттого пугающей...

— Не смотри туда! — мать снова притянула дочку к себе. Но та уже и сама крепко прижалась к ней, уткнув личико в кофту и приговаривая сквозь тихие всхлипы:

— Зачем он их убил? Они же такие хорошие! Почему они не убежали?

— Потому и спешил, чтобы успеть, пока товарняк громыхал, сделать свое черное дело. К шуму этому они попривыкли, а он сзади, со спины подбежал. Вот и не учуяли... — Мать глубоко вздохнула и взяла дочку за руку: — Пошли, Шура вон уже у терновника ждет...

Такую вот историю из детства разбудили в ее памяти размышления мужа. А ночью ей привиделся вдруг тот мужик, что когда-то с косою бежал. Будто схватила она его за грудки и кричит:

— За что же ты, окаянный, зверьков безвинных погубил? Чем они тебе помешали? Убийца!

А дядька смотрит на нее и молчит. Потом отвел ее руки в сторону и говорит:

— Ну, коли отыскала, то слушай. Был такой грех — убил! Только меня тогда к этому не зверство да безумство гнали. Думаешь, не жалко было? Только жалость ту потухшие от голода глаза четверых детишек, один одного меньше, жены большой да матери престарелой затмили. Хлеба вдоволь не наедались. Спасибо, коровка-кормилица молоком выручала. Ей-то и косил в тот день сено. А как увидел байбаков тех, загорелись глаза, заурчал в животе, по мясу соскучившемся, вот я и помчался... Если бы ты видела, как мы потом щи с этими сурками ели! Мясо-то у них жирное, вкусное. Хоть и ненадолго, а сытое счастье испытали...

Мужчина с минуту помолчал, поглядел куда-то в сторону, и продолжил:

— А что касается греха, то за него Господь сам меня потом покарал. На Пасху не положено работать, мать говорит — отдохни, не гневи Бога. Не послушался. Дело к лету, а у меня погреб недорытый, поспешать надо, до жары обустроить. Ну и пошел копать. Только кто же знал, что там снаряд фашистский невзорванный уже поджидал. Ткнул я его лопатой, ну и... Последнее, что в глазах осталось — небо красное, земля, трава вокруг красная вся. Так-то вот...

...Слушает она мужика, с того света возвратившегося, и не знает уже, что дальше делать: ругать его или жалеть? Вон ведь как все вышло. А по щекам слезы текут... От этого, видно, и проснулась. До утра еще спать да спать, только разве после такого сна уснешь! Встала, включила телевизор. Шел какой-то отечественный боевик. Комната сразу наполнилась звуками бесконечной стрельбы, душевраздирающих криков и людских стонов, воем сирен «Скорой помощи», полиции... Какой-то упитанный до безобразия громила все тыкал и тыкал финкой свою жертву — то ли женщину, то ли мужчину. Но вот выскочили из-за угла лихие парни с автоматами. Очередь сначала разрежала напополам этого громилу, потом прошлась по стоящей в стороне невольной кучке «свидетелей» — женщин, стариков, детей... Автоматчики снова скрылись за углом, и все на минуту стихло. И только по тротуарной плитке беззвучно текли извилистые ручейки человеческой крови, оставляя за собой бурый след теперешней жизни...

Стало невыносимо страшно, и она выключила телевизор. Вжалась в кресло, закрыла лицо руками. Но в наступившей темноте вдруг отчетливо увидела, как кровавые ручьи сливаются воедино и превращаются в настоящие реки. Своими бурными потоками они сметают села, города, уносят человеческие жизни, и уже не островки зеленой травы, а целые луга, поля, земля русская окрашивается в красный цвет!

— Господи! Нынче-то за что?.. Почему так? Господи! Помогите найти ответ...

...За окошком просыпался рассвет. Первые лучи восходящего солнца осторожно прокрались в комнату, скользнули по лицу спящей в кресле женщины и смиренно улеглись клубочком у ее ног. Начинаясь новый день...